

ГЕЗЕ В. Е. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГЕЗЕ Виктор Евгеньевич, родился в 1867. Окончил юридический факультет Киевского университета. Проживал в Киеве, с 1901 — занимался археологическими раскопками на территории Вышгорода, Триполья, Канева, работал в музеях Киева, Чернигова, Москвы и Ленинграда; имеет печатные труды. В 1914 — на фронте, в 1919 — председатель Ревкома военного ведомства, позднее демобилизован; продолжил заниматься археологическими раскопками. Во время гражданской войны не раз арестовывался, но позднее — освобождался, продолжая археологические раскопки и научные исследования; с 1924 — член Киевской секции научных работников. 19 октября 1936 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг. В марте 1937 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<10 марта 1937>

«Многоуважаемая гр<аждан>ка Пешкова

Умоляю Вас помочь мне, жертве судебной ошибки, наконец, реабилитировать себя в глазах Сов<етской> Власти, к<ото>рой я бескорыстно и лояльно служил около 20 лет. Которой бескорыстно подарил все свои 45-летние сбережения, чтобы помочь ей в момент перетерпеваемой ею нужды в средствах. Я любил и люблю мою родину Украину и 50 лет работал в пользу Украинской Археологической Науки. Помогите мне, я без средств, мне уже 70 лет, и работать вне специальности я не могу. Имущество небольшое мое, верно, погибло. Помогите мне, я инвалид III гр<уппы>, и работать не по специальности не в силах. Если бы была возможность проверить факты, приведенные в заявлении, то чудовищное обвинение меня и не имело бы места вовсе. Если уже судьба моя так несчастна, что меня не сможет спасти объективное расследование, то облегчите мне возможность хотя в изгнании закончить мои работы научные, к<ото>рым суждено погибнуть. Я поставлен в ужасное положение, так как на каждом шагу попадают люди, готовые погубить меня новым доносом.

Сведения о жизни В. Е. Гезе.

Происхожу из французских граждан. Отец приехал в Россию в 1852 г<оду>, спасаясь, как беженец-революционер, от преследования Наполеона III, воцарившегося во Франции и преследовавшего всех республиканцев. Родился я 16/XI-1867 г<оду>. Образование высшее, на юрид<ическом> фак<ультете>те Киевского университета. Отец, после бегства из Франции, нашел убежище у русского революц<ионе>ра Бакунина, впоследствии служил на Курско-Киевской ж<елезной> д<ороге> и умер в России. Издавна я пристрастился к изучению русской археологии до Татарской эпохи. В этой области я являюсь высококвалифицированным работником, 13 лет член Киевской Секции научных работников. По поручению Центральной Археологической Комиссии вел многократные раскопки в Киевской губернии (у с<ела> Вышгород, Триполье, Канев и др<угие>) и работал в музеях Киева, Чернигова, Волыни, Москвы, Гос<ударственном> Эрмитаже и др<угих> местах. Имею печатные труды. Археологическая наука Украины обязана мне многими ценными достижениями, особенно в области т<ак> н<азываемых> Скифских Древностей (печ<атные> труды, Скифская золотая диадема <нрзб.> у с<ела> Сахновка). Последняя находка, еще не вполне изданная, представляет мировое научное значение. Прожил я в Киеве более 60 лет, занимаясь научными исследованиями археолог<ическо>го характера. Киевскому Археолого-Историч<ескому> Музею пожертвовал все

результаты археологических раскопок 1901-1902-1903 <одов>. В 1914 г<оду>, во время импер<иалистической> войны служил по 1919 г<год>, при Сов<етской> Власти был одно время председ<ателем> Ревкома Соединенных Вещевых Складов военного ведомства, занимал должность коменданта VIII к<атегории> (соотв<етствует> капит<анскому> чину), и Совет<ской> Властью по возрасту совершенно уволен от службы. Никогда ни в каких партиях не состоял, в белых частях никогда не служил и ни в каких группах, кружках и организациях не участвовал. Всю жизнь отдавался лишь археологической науке и естествознанию. По убеждениям, как мой дед (воин республиканской армии Конвента) и отец-республиканец. После переворота мог уехать на родину отца (Франция), но, с детства питая безграничную любовь к моему новому отечеству-Украине, остался на территории последней, несмотря на все перспективы покойной жизни и работы вне родины-Украины. Я был уверен, что обновленная Сов<етская> Страна не будет считать меня пасынком, примет меня в свое лоно, оценит мои способности и даст мне возможность работать на пользу местной науки, что мои республиканские убеждения и даже таланты, в связи с бескорыстными взглядами, дадут мне возможность быть оцененным по достоинству в Стране Советов — стране, принявшей традиции лучших сынов французского народа.

Последствия моей идеологии. Решившись навсегда связать себя с Советской Родиной, я принял следующие шаги. В то время, когда русские люди, испуганные надвигающимися событиями, и имея возможность бежать, опасаясь бедствий, в большом количестве бежали, захватив свое имущество, я, не принадлежа к коренным слоям русского общества и имея средства для переезда, по убеждению не сделал этого, не только не убоился возможных в будущем материальных лишений и опасностей периода борьбы старого и нового режимов, но добровольно отдался неизвестному будущему, доверился новому режиму и доказал это на деле, путем своего добровольного отказа от тех материальных благ, которые для каждого эгоиста были бы неотчуждаемой ценностью. Веря в Новую Россию, я добровольно, без всякого принуждения отдал путем пожертвования в Киевский Сов<етский> Банк 250.000 р<ублей>, полученные мною от советских же музеев за уступленное мною огромное и ценное собрание книг редких и древностей, собранных в течение 40 лет. Сделано это было мною по убеждению без всяких корыстных видов, единственно с целью усиления финансовой мощи Советской страны (свидетели — служащие гор<одского> банка, гр<аждан>е Колодий и Щербак, Киев, Малая Житомирская, № 20 во дворе). Немногие русские поступили бы так на моем месте, но я, чужестранец по отцу, сделал это, видя в Сов<етской> стране страну — преемницу традиций близкой мне Франции, близость и общность интересов которой с Советской союзной страной, и в данный тяжелый для меня момент наполняет мое сердце утешением, несмотря на то, что настоящий момент является для меня, жертвы судебной ошибки, моментом позора и немыслимого при моей идеологии обвинения по 58 ст<атье> п<ункт> 10 УК.

Хотя мне, благодаря судьбе, приходилось уже подвергаться различным невзгодам на политической подкладке.

1) В 1904 г<оду> за самовольное участие в прекращении еврейского погрома (св<идетел>и: Киев, Караваевская, № 8, семья Женжеревых).

2) При Петлюре по ложному обвинению меня в участии как начальника Советской дивизии в боях с петлюровцами (случайно не расстреляли).

3) В 1917 г<оду> обвиняли ложно в подготовке восстания нижних чинов Киев<ского> Вещ<евого> Склада против Врем<енного> Правительства (переворот избавил от суда).

4) Ранее таскали к ответу при <нрзб.> Войсками Киев<ского> Воен<ного> Округа за вмешательство в действия Херсонского полка, расстрелявшего рабочих 1/V в Киеве на Днепре, выразившееся в осуждении стрельбы.

5) Целый ряд инцидентов во время перемен в Киеве за доносы на связь с Сов<етской> Властью (председ<атель> Ревкома) во время добровольцев, Петлюры, Гетмана — я был тогда в подполье (скрываясь вне Киева).

6) При Совет<ской> Власти легкие обвинения в не существовавшей связи, таковые обвинения были нелепы явно и вреда мне не принесли, кроме неприятных объяснений на почве личных счетов с вредителями Сов<етской> Власти (Жил<ищная> контора, квартира и т<ому> п<одобное>).

Все эти злоключения впрочем не были для меня так ужасны, как нынешнее обвинение меня по 58 ст<атье> со всеми ужасными последствиями этого формально принятого на веру обвинения меня антисоветскими черносотенными и кулацкими элементами в лице главы какой-то антисоветской группы — рыбака с<ела> Староселья, рыбака Кашкина Прокопа, приписавшего мне никогда не произнесенные мной нелепые фразы, им же и его товарищами сказанные.

По 19/X-36 г<ода> (когда я был арестован по ложному поводу) я в течение 19 лет, несмотря на мой возраст (69 л<ет>) не бросал Советской работы, не отдыхал, честно выполнял свои обязанности и ни в чем предосудительном замечен не был.

И все это не было учтено, и я, активно служивший интересам Советской Власти, вполне совпадавшим с моими республиканскими убеждениями, б<ывший> гражданин Союзной Советской Республики, поставлен игрою судьбы в положение какого-то контрреволюционного индивидуума, без всякой серьезной подставки такому неправомерному и злостному обвинению меня со стороны черносотенцев, вздумавших устранить в моем лице опасного им свидетеля их дел.

Адрес. Ст<анция> Тайга Том<ской> жел<езной> дороги, 2-я колония. Гезе Виктору Евгеньевичу.

Умоляю не откажите в помощи»¹.

На письме — три пометы:

«Возбуд<ить> ход<атайство> пересмотра, сделав выписку из его письма о его родных».

«Переведите 50 р<ублей> из денег для ссыльных».

«Переведено 28/III».

В декабре 1937 — Виктор Евгеньевич Гезе вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<20 декабря 1937>

«Многоуважаемая Екатерина Петровна»².

Я получил от Вас извещение от II/XI-37 за № 16731. Очевидно, Вы не поняли моего письма, полагая, что я прошу Вашего содействия в пересмотре или работе. Я нахожусь в состоянии крайнего отчаяния от переживаний физического страдания. Я написал Вам историю моего горя для оценки моего положения. Прошу же Вас о материальной помощи в

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1597. С. 111-112. Автограф.

² Ошибка в написании отчества Екатерины Павловны Пешковой.

данную кошмарную минуту, находясь в заброшенной глуши, отрезанный от всего мира.

Умоляю с отчаянием Вас прислать мне денежную помощь с вычетом на телеграфный перевод и спасите меня. Работать я не могу и ходить не в состоянии, ноги опухли от цинги, а 2-я колония не имеет даже околodka и средств. Спасите меня несчастного, пожертвовавшего все свои древности и 250.000 р<ублей> денег Советской власти. Помогите, поддержите меня временно (я писал Вам о пожертвовании мною денег Сов<етской> вл<асти>) я был членом Кр<асного> Креста 25 лет, не дайте погибнуть.

В. Гезе»³.

Весной 1938 — Виктор Евгеньевич Гезе вновь просил помощи Помполита⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1597. С. 118. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1667. С. 58.